

УДК 9С

Освальд Шпенглер и русская историография XIX в. о специфике (псевдоморфозе) русской истории

А. С. Маджаров

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Статья посвящена концепции русской истории как псевдоморфоза Освальда Шпенглера, сравнению «русской» и «фаустовской» душ в контексте самобытной русской историографии.

Ключевые слова: историография, Шпенглер, русская история, псевдоморфоз, русская душа, фаустовская душа, Карамзин, Чаадаев, К. Аксаков, Герцен, Достоевский, Л. Толстой, Бердяев.

Немецкий историк и философ Освальд Шпенглер (1880–1936) вошел в мировую историографию как автор книги «Закат Европы», которую считали «наиболее значительной философией истории со времени Гегеля» [12, с. 6].

Он был одним из основоположников философии культуры, представителем направления «философии жизни», хотя, строго говоря, его труды не укладывались в классификацию историко-философских тем, направлений. Универсальность, экскурсы в развивающийся мир объединенных в монады культур, охватывающих мировое пространство и хронологию «всемирной истории», прогнозы, ставили Шпенглера в особое положение.

В «Закате Европы» философ обращался к истории России, ее особенностям, месту во всемирной истории. Русская тема была в его книге побочной: он упоминал о России, сравнивая ее с Западом. Исключение составил лишь один, более пространственный, специально посвященный России отрывок.

За разрозненными высказываниями Шпенглера о России стояла его общая схема всемирной истории. Вписанный в нее частный случай – концепция русской истории открывала свои особенности на фоне «законченных» и подробно выписанных философом западной, аполлонической и других культур.

Взгляд Шпенглера на историю и «дух» России ставил немецкого ученого в ряд тех наших мыслителей, которые пытались понять специфику (самобытность) русской истории и души, в противоположность иным, которые специфики не замечали, считали, что Россия лишь отстала от Запада и просто должна его догнать.

Чаадаев, К. Аксаков, Герцен, Данилевский и другие задолго до Шпенглера говорили о неформальности русской культуры, о роли православия в истории России, о неограниченности реформ Петра I и т. д.

Заключения Шпенглера по русской истории были созвучны мыслям наших литераторов. Они свидетельствовали о начитанности и проницательности автора «Заката Европы». Он прямо ссылаясь на Н. М. Карамзина, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, К. С. Аксакова, А. М. Горького, П. Н. Милюкова, упоминал Ленина. Шпенглер вполне мог быть знаком и с трудами тех россиян, которых он не упомянул в «Закате Европы».

«Русские пассажи» мыслителя, его пристрастный взгляд «постороннего», даже если он кажется не соответствующим нашим представлениям об истории России, имеют самостоятельный интерес.

Освальд Шпенглер родился 29 мая 1880 г. в Бланкенбурге в семье почтового служащего Бернгарда Шпенглера и Паулины Шпенглер. В 1887 г. он поступил в гимназию в Зосте, куда переехала семья, а в 1891 г. перешел в школу Латина в Галле. После окончания школы, в 1899 г. Шпенглер стал студентом университета в Галле, изучал математику и естественные науки, а в 1904 г. защитил докторскую диссертацию «Основная метафизическая идея гераклитовской философии». Защита открыла ему возможность преподавать математику, естественные науки, немецкий язык, историю в гимназии.

В 1908–1911 гг. Шпенглер работал старшим преподавателем в гимназии Генриха Герца в Гамбурге. После смерти отца (1901) и матери (1910) он получил скромное наследство, которое позволило ему реализовать свою мечту – уйти с работы и стать «свободным художником».

Он переехал в Мюнхен. Устроился на Агнессштрассе, 54/1, и, обложившись книгами, которые брал в библиотеке, погрузился в работу.

«Уже ребенком, – вспоминал Шпенглер, – я всегда нес в себе идею, что мне суждено стать своего рода Мессией, основать новую религию Солнца, новую всемирную Империю, какую-то волшебную страну, новую Германию, новое мировоззрение». [12, с. 41].

Вехами в развитии его внутреннего мира, концепции и метода стали Гете, Ницше, Шекспир, музыка Рихарда Вагнера, живопись Рембрандта. Он любил Вагнера и научился играть на рояле, чтобы исполнять его музыку [12, с. 43].

Шпенглер высоко ценил Достоевского, видел в нем, как и Бердяев, глубины «русского духа». Для чтения Достоевского в оригинале Шпенглер изучил русский язык [12, с. 42].

«У меня сильнейшая потребность чтить кого-либо, и не только Гете и Шекспира, исполинов прошлого, но и современников. – Писал Шпенглер. – Сколь гибельной оказалась моя юность, мое внутреннее развитие оттого лишь, что я не знал никого, к кому мог бы испытывать уважение» [12, с. 44].

Непосредственно замысел книги родился у Шпенглера в 1911 г., ее черновик был готов в 1914 г., а «Закат Европы» увидел свет в 1918 (т. 1) и 1922 (т. 2) гг.

Шпенглер «предпринял попытку предугадать историю», «проследить судьбу одной», «западноевропейско-американской» культуры, ...на стадиях ...еще не пройденных» [14, с. 13].

Для решения поставленной задачи и в соответствии с собственным видением темы, он разработал и применил в исследовательской практике новый

взгляд на всемирную историю, представил ее в виде восьми культур: античной, западной, индийской, вавилонской, китайской, египетской, арабской и мексиканской.

На вопрос относительно возможности появления новых культур он отвечал уклончиво, однако ее не отвергал.

По словам Шпенглера, человечество, развиваясь в формах особых культур, в то же время всегда остается «вечно ребяческим», готовым продуцировать новые культуры. Неясно, замечал он в другом разделе книги, «не приведет ли какое-то внезапное событие в земной истории к появлению... новой формы» [14, с. 500].

Культуры у Шпенглера взаимодействуют.

Как виделись ему это взаимодействие культур и его особенности, касающиеся русской истории?

«Перед историческим мышлением, – писал исследователь, – стоит двойная задача. Следует, во-первых, предпринять сравнительное рассмотрение *отдельных биографий культур*... А, во вторых, – обследовать значение случайных и несистематических *связей культур между собой*... Связи культур чрезвычайно разнообразны... по пространственному и временному отстоянию... Цивилизация может слать свои лучи из бесконечной дали..., или же располагаться поверх юности, удушая ее своей дряхлостью... Западная культура ищет связей, а египетская от них уклоняется... Созданное прежде, – развивал он свою мысль, – вовсе не продолжало существования в чем-то позднем,... более младшее существо всегда завязывало весьма небольшое число связей с существом более старым» [14, с. 501, с. 518].

Надо полагать, что одной из форм взаимодействия культур, согласно концепции Шпенглера, были «псевдоморфозы».

Суть псевдоморфоза он разъяснил на примере скальной породы: пустоты, случайно образовавшиеся в скале, заполняет иная по структуре вулканическая масса. «Так, – по его словам, – возникают поддельные формы, кристаллы, чья внутренняя структура противоречит внешнему обличью» [14, с. 647].

Что касается исторического псевдоморфоза, то, по словам Шпенглера, это случай, «когда чуждая древняя культура довлеет над краем с такой силой, что культура юная, для которой край этот ее родной, не в состоянии задышать полной грудью и не только... не доходит до складывания чистых, собственных форм, но не достигает даже полного развития своего самосознания» [14, с. 647].

Общее положение о псевдоморфозе Шпенглер прямо относил и к России. Под культурой юной он подразумевал разные культуры, в том числе русскую, а под «чуждой древней культурой» имел в виду, в частности, культуру западную, в ее отношении к нам.

Русская культура, по его мнению, не смогла стать самостоятельной, такой как фаустовская или античная. Это заключение не являлось оценкой. Шпенглер лишь констатировал, в соответствии со своей доктриной, степень зрелости русской культуры.

В «предыстории», как части русской жизни «до культуры», и в псевдоморфозе – в ее следующем этапе, он видел реальность русской действительности.

Сходные мысли были высказаны в России задолго до Шпенглера.

«Одна из наиболее печальных черт нашей цивилизации, – писал Чаадаев в первом «Философическом письме» (1829), – заключается в том, что мы еще только открываем истины, давно уже ставшие избитыми в других местах и даже среди народов, во многом далеко отставших от нас. Это происходит оттого, что мы никогда не шли об руку с прочими народами; мы не принадлежим ни к одному из великих семейств человеческого рода; мы не принадлежим ни к Западу, ни к Востоку, и у нас нет традиций ни того, ни другого. Стоя как бы вне времени, мы не были затронуты всемирным воспитанием человеческого рода» [13, с. 22].

Понять и раскрыть суть русской истории и души Шпенглер пытался через сравнение разных культур. Он включал свое видение, полученный образ в контекст собственной, отличной от предшествующей ему, в том числе русской, мысли.

«Что придает смысл и содержание... миру форм», погребленному под массой «дат» и «фактов»? – вопрошал Шпенглер. И отвечал: «феномен великих культур». Его надо прочувствовать, уяснить «внутреннюю форму истории», чтобы, по мнению автора концепции псевдоморфоза, «постичь всякий факт в исторической картине» [14, с. 133].

В контексте предкультуры, культуры, цивилизации, а также псевдоморфоза, имея перед глазами «всемирную историю», он и вел речь о русской истории.

Излагая историю России в связанном, хотя и кратком, эпизодическом виде, Шпенглер говорил о внешних фактах и о душе. В его системе взглядов строй души определял смысл мира фактов.

Он говорил не просто о различии русской и фаустовской душ, а подчеркивал их «неизмеримое» различие. Источники исследования, акцент на русской специфике сближали Шпенглера с нашими «самобытниками», Бердяевым [14, с. 650].

«Слово “Европа” с пребывающей под его влиянием совокупностью идей, – подчеркивает он, – связало в нашем историческом сознании Россию с Западом в одно ничем не оправданное единство... Читатели в лице Петра Великого на столетия подменили историческую тенденцию примитивной народной массы, при том, что русский *инстинкт* справедливо и глубоко – с нашедшей свое воплощение в Толстом, Аксакове и Достоевском враждебностью – отграничивает “Европу” от “матушки России”» [14, с. 28].

Доказательства этой специфики Шпенглер искал в особенностях «русского духа». Он предлагал сравнить «русские героические сказания» о князе Владимире и народном герое Илье Муромце с «одновременными» (в соответствии с воззрениями о времени культур Шпенглера) им «Песней о Нибелунгах», «Песней о Хильдебранде» и др.

Что могло удивить Шпенглера в наших сказаниях? Глубокое отличие русской души от души Фауста?

Шпенглер прочувствовал и понял изнутри специфику фаустовского человека – *культуру воли*, «напряженного развития к цели», движение «я», которое вздымается кверху в готической архитектуре; в шпилях и контрфорсах, всю фаустовскую этику как сплошное «ввысь» – «от Фомы Аквинского и до Канта» [14, с. 393]. Уяснил ее прасимвол – «чистое безграничное пространство». Он увидел прасимвол в динамике Галилея, в судьбе Лира, в «сознательном существовании, ... которое отслеживает само себя» и т. п. [14, с. 208].

А что Шпенглер увидел у нас?

Вернемся к сказаниям, к исследованию русских былин К. С. Аксаковым. В статье «Богатыри времен Великого князя Владимира по русским песням», опубликованной в «Русской беседе» в 1856 году, он, в противовес «Песне о Нибелунгах», повествующей, в частности, о «рыцарском быте», отмечал: «Аристократическое понятие, образовавшееся на Западе рыцарством, не существовало в древней Руси» [1, с. 94].

Аксаков говорил о «специфике национального типа» «изнутри». О русских былинах в целом он писал: «Перед нами эпопея особого рода, согласная с самим существом русской земли. Мы не видим в ней могущественно движущегося вперед события, не видим увлекающего хода времени; нет – перед нами другой образ, образ жизни, волнующейся сама в себе и не стремящейся в какую-нибудь одну сторону; это хоровод, движущийся согласно и стройно, – праздничный, полный веселья, образ русской общины» [1, с. 93].

В другой работе по истории отечества известный славянофил заключал: «Русская история (в отличие от западной. – А. М.) явление совсем иное. Дело в том, что здесь другую задачу задал себе народ на земле, что христианское учение глубоко легло в основание его жизни... Со стороны христианского смирения надо смотреть на русский народ и его историю» [2, с. 26–27], [11, с. 137–143].

Аксаков был уверен, что структура русской души отличается от западной. Именно это отличие видели Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой и другие, а вслед за ними, через них и помимо их, в рамках своей доктрины, и Шпенглер.

Он выявлял эту специфику в контексте своего видения истории и культуры через сравнение. Прасимволом русской «безвольной души», в противовес волевой фаустовской, по словам Шпенглера, является «бесконечная равнина». Русский пытается *безымянно* раствориться в братском мире. «“Я” представляется подлинному русскому суетным». «Нравственно возвышать себя посредством любви к ближнему, желать покаяться *самому*, – все это для русского признаки западного тщеславия... Герой Толстого Нехлюдов шлифует свое нравственное “я”, словно ногти, и поэтому Толстой принадлежит к петринистскому псевдоморфозу». Напротив того, Раскольников – это всего лишь некто “мы”. Его грех – это всеобщий грех» [14, с. 337].

Собственно изложение «мира фактов» русской истории, точнее, если следовать доктрине Шпенглера – предыстории, философ начинает со сравнения.

Период, который охватил время от Ивана III (1462–1505 – годы правления) до Петра Великого (1689–1725), т. е. приблизительно два века, он определял как «русскую эпоху Меровингов». Она соответствовала «времени от

Хлодвига (466–511) (король франков. – *А. М.*) до битвы при Тертри», когда правителем франкского королевства стал Пипин Геристальский (687), которое также охватило два века.

Эпоху Меровингов и Каролингов (500–900) в западной культуре Шпенглер относит к «предвремению», времени до культуры, и, следовательно, до истории. Время культуры Запада, по его классификации, начинается с 900 г.

Почему Шпенглер открывает русскую историю Иваном III? Помимо чисто концептуальных соображений Шпенглера (по его мнению, Иван III «ниспроверг татарское господство» в 1480 г.), возможно, это решение обусловлено также источником. Именно характеризуя эпоху от Ивана III до Петра I, Шпенглер советует прочитать «старомодного Карамзина» [14, с. 651].

Послеуем совету. Раздел «Истории государства Российского» выдающегося «историографа», посвященный Ивану III, открывается следующим симптоматичным заключением: «Отселе История наша приемлет достоинство истинно государственной, описывая уже не бессмысленные драки княжеские, но деяния царства, приобретающего независимость и величие» [7, с. 5].

Главный итог этого периода, по мнению Шпенглера, – «Каролинги фактически получили всю полноту власти» [14, с. 650]. Заметим, в России Каролингам, согласно логике Шпенглера, соответствовали Романовы.

По словам мыслителя, это был период «великих боярских родов и патриархов, когда старорусская партия неизменно билась против друзей западной культуры» [14, с. 651].

Шпенглер не случайно пишет о Карле Великом (ок. 742–814) – франкском короле из династии Каролингов, который добился «господства мавританско-византийского духа», в то время как Селевкиды (312–64 до н. э.) эллинизировали арамеев [14, с. 651].

Карл Великий, в концепции Шпенглера, – «современник» Петра Великого.

Подчеркнем еще раз: «Франкскую эпоху» (500–900), Карла Великого, как и наше отечество до Петра I, Шпенглер относит к «предвремению», т. е. периоду до культуры.

Развивая это сравнение, Шпенглер заключает его пассажем, характеризующим деятельность Петра I: у него «имелась возможность подойти к русскому миру на манер Каролингов или же Селевкидов, а именно в старорусском или же в “западническом” духе, и Романовы приняли решение в пользу последнего. Селевкиды желали видеть вокруг себя эллинов, а не арамеев» [14, с. 651].

Так Петр Великий стал носителем «злого рока русскости». Вместо «чистой» «своей культуры» явился исторический псевдоморфоз – «петровская Русь». Этот псевдоморфоз, по словам Шпенглера, «сегодня у всех на виду» [14, с. 651].

Образ «Петровской Руси», т. е. первый псевдоморфоз, по Шпенглеру, охватывал промежуток времени от правления Петра I, точнее от основания Петербурга (1703), до революции 1917 г.

Те же ощущения псевдоморфоза вызывала у Шпенглера и русская внешняя политика.

Пожар Москвы в сентябре 1812 г. – эпизод Отечественной войны 1812 г. он называет «величественным символическим деянием пранарода» и объясняет его «маккавейской ненавистью ко всему чуждому и иноверному».

«Вступление Александра в Париж», «Священный союз» (1815), «вхождение России в “Европейский концерт”» наряду с «поздними искусствами и науками, просвещением, социальной этикой, материализмом мировой столицы» он характеризует как «искусственную неподлинную историю» [14, с. 651].

Псевдоморфоз для Шпенглера в основе явление духовное.

В Петровской России Шпенглер видел «изначальное крестьянство» «в лишенном городов краю». В душе народа, по его мнению, была заложена «тяга к *святому* югу, к Византии и Иерусалиму». Религиозный язык был единственным языком, «на котором человек только и способен был понять себя и мир» [14, с. 651].

Русские города, как считал Шпенглер, не были городами в полном смысле этого слова, в них еще не проявилась «душа народа». Они были «фальшивы, неестественны, невероятны до самого своего нутра» [14, с. 651]. И ярчайшим примером такого неорганичного города, по мысли Шпенглера, был Петербург.

«Петербург, – восклицал он вслед за Достоевским, – самый отвлеченный и умысленный город на всем земном шаре» [14, с. 651].

Такой оценки наш город удостоился у Шпенглера именно в итоге сравнения с городами Запада, западной культурой.

Для немецкого ценителя Гете и Ницше являлось аксиомой, что любая великая культура – культура городская. Он говорит даже больше. Для него «всемирная история» – это «история городского человека». Не каждый даже большой населенный пункт, по определению Шпенглера, является городом. В таком центре есть рынок, но может не быть самостоятельного мира, души. Рынок лишь отличает это поселение от деревни, но не делает его городом. Жители такого местечка «живут и думают», как крестьяне.

И только когда появляется душа города, возникает новый язык – «язык культуры» – рождается город.

С этого момента деревня, поселяне становятся для города чужими, «языка культуры» они уже не понимают.

«Русский дух» – «дух прарусскости», «изначального крестьянства», по мысли философа, не городской. Это дух «предкультуры». Он, если несколько развить мысль Шпенглера, еще не пустил свои корни в городах, не явился в них во всех мыслимых формах своей чистой культуры, чужд им.

В России, по словам Шпенглера, мы видим два экономических мира: верхний, чужой, цивилизованный, проникший с Запада, т. е. «мнимо городской», и другой – не ведающий городов, живущий в глубине России среди «добра».

Чужой мир города связан с капиталом. А сельская Россия в «мистической внутренней жизни» считала деньги за *грех*. Шпенглер понял это, прочитав Горького и Л. Толстого.

Для глубинной России «деньги ради денег» – кощунство, а в религиозном чувстве – *грех*, – утверждал он [14, с. 962–963].

Заметим, что Шпенглер в своих рассуждениях о «небуржуазности» русской души сближался, если не совпадал, с Бердяевым.

Русский мыслитель неоднократно упоминал о негативном отношении народа к богатству, буржуа, буржуазности, предопределяющем будущее России.

В 1918 г. он писал о том, что Россия – «самая не буржуазная страна в мире» [5, с. 37]. Бердяев подчеркивал, что русским типом является странник. Странники, скитальцы, отщепенцы – раскольниковы, мышкины, ставрогины, версиловы встречаются у Пушкина и Лермонтова, у Толстого и Достоевского.

Русская душа не мещанская, отличается от «мещанской Франции».

В работе «Истоки и смысл русского коммунизма» Бердяев говорил о религиозных предпосылках «небуржуазности»: «У пророков, в Евангелии, в апостольских посланиях, у большей части учителей церкви мы находим осуждение богатства и богатых» [3, с. 139].

В 1943 г. в книге «Русская идея» он неоднократно касался темы «русской небуржуазности», писал об отсутствии у нас буржуазных добродетелей, столь ценимых Западной Европой. И о наличии буржуазных пороков [4, с. 238], [8, с. 9–10].

Суть псевдоморфоза, согласно заключению Шпенглера, и состояла в том, что «первобытную русскую душу» втиснули в «чуждые формы высокого барокко, затем Просвещения, а затем – XIX столетия». Народу «была навязана искусственная и неподлинная история». Ее дух прарусскость не может постигнуть, ибо она ей внутренне чужда, не соответствует степени зрелости русской культуры [14, с. 651].

«У всякой души, – писал Шпенглер, – имеется религия». Своя религия. «Все живые формы, – продолжал он, – в которых самовыражается душа, все искусства, учения, обычаи, все метафизические и математические миры форм, всякий орнамент, всякая колонна, всякий стих, всякая идея в самых глубинных своих основаниях религиозны» [14, с. 387]. Душа не может свободно раскрываться в формах чужой религии и культуры.

Откуда Шпенглер черпал свои заключения о России, состоянии, стадиях, перспективах «русского духа», псевдоморфозе как неустроенности души?

Основные источники Шпенглера – Достоевский и Л. Н. Толстой и, одновременно, элементы западной культуры как эталон для сравнения. В своем интересе к русской литературе как источнику смыслов Шпенглер сближался с нашим Бердяевым, славянофилами.

Для Шпенглера Достоевский и Толстой не просто утилитарные источники фактов. Это – две формы русской души, каждая из которых несла разные особенности и черты России. И те книги, над которыми он размышлял в начале XX в., читая близкого по времени Достоевского (1821–1881) и своего современника – Толстого (1828–1910), позволяли Шпенглеру, экстраполируя, ощущать и вникать в их содержание и направление, видеть ту степень их остроты, которая была присуща России, начиная от Петра I и вплоть до современности философа.

Общество и народ Шпенглер, вслед за русской мыслью, оценивал как разные миры: общество при Петре I стало западным (чуждым России) по духу, а «простой народ» «нес душу края в себе» [14, с. 653].

А. И. Герцен, не схожий со славянофилами в главном – в оценке роли православия в истории России, и невольно сблизившийся с ними, когда речь заходила о положении «народа» в русской истории, предварял Шпенглера.

Он также считал, что крестьянство осталось вне реформ Петра I и сохранило свою душу (и душу России) в неприкосновенности.

«Сельская Россия, – по словам Герцена, – всему внешне подчиняясь, на самом деле ничего не приняла из преобразований Петра I. Он чувствовал это пассивное сопротивление; он не любил русского крестьянина и ничего не понимал в его образе жизни... Протекшие сто пятьдесят лет, нисколько не примирив его с новым порядком вещей, еще более его отдалили... Русский крестьянин многое перенес, многое выстрадал; он сильно страдает и сейчас, но он остался самим собою» [6, с. 480; 10, с. 44–50].

Для Шпенглера Толстой и Достоевский – «заступники и жертвы псевдоморфо́за». Они как разные части в расколе. Вспомним заключения Н. А. Бердяева о неорганичности русской истории.

Достоевский, по мысли Шпенглера, нес в себе подлинную, незамутненную, чистую душу, прадушу края.

Шпенглер соотносил и даже отождествлял Достоевского с «простым народом».

Автор «Бесов» у Шпенглера – «крестьянин», совпадает с «крестьянским народом».

«Подлинный русский, – пишет он, – это ученик Достоевского, хотя он его и не читает... Он сам часть Достоевского» [14, с. 654]. Народ пропитан «метафизической скорбью», «страхами и невзгодами», «тоской по земному простору и горькой ненавистью к каменному... миру, в котором их замкнул Антихрист» – Петр I [14, с. 653].

Для Достоевского (как и для «крестьянского народа») не существует революционного и консервативного, и то и другое – западное, т. е. наносное. Он смотрит поверх социального, не ценит вещи этого мира, мира фактов, не придает его улучшению никакого значения. Он, как прарусский, не замечает мира вещей.

«Все они, – носители этой души, этой прарусскости, – замечает Шпенглер, – живут во втором, метафизическом, лежащем по другую сторону от первого, мире» [14, с. 654].

И в этом, замечал Шпенглер, залог будущего русской культуры.

Достоевский, как его видел философ, взирал на Петра I, Россию, Европу, революцию из будущего. Он апокалиптик, апостол первого христианства, святой.

В нем не было ненависти к Европе. Для него родина – и Россия и Европа.

По Шпенглеру, христианство Достоевского «принадлежит будущему». Он – «это Русь... будущая».

Заметим, будущее, в концепции философа, связано с появлением новой культуры, основу которой, подчеркнем еще раз, он видит в прарусскости, в Достоевском.

Толстой по Шпенглеру был иным. Он являлся обнаружением другой, отсутствующей у Достоевского, но тоже присущей России, ипостаси души России, выражением иной грани псевдоморфоза.

Толстой, по оценкам Шпенглера, как и Достоевский, «заступник и жертва псевдоморфоза». Но в отличие от Достоевского за которым будущее, он – «Русь прошлая». Действительно, петровский псевдоморфоз у Шпенглера – настоящее и прошлое России. Он может быть оставлен позади, если ему на смену придет чистая самобытная культура.

Толстой – человек «из общества мировой столицы». Он, как и часть русского общества, принадлежит этой «цивилизации», связан с ней «всем своим нутром», являлся «великим выразителем петровского духа» [14, с. 653].

Пророк из Ясной Поляны – это «просвещенный, социально направленный рассудок», для которого жизнь – «проблема», событие внутриевропейской цивилизации. Он не апокалиптик, как Достоевский, а оппозиционер на почве собственности, этики, политики и, по словам Шпенглера, стоит в одном ряду с Марксом, Ибсенем, Золя.

Толстой – «подлинный наследник Петра», революционер и «отец большевизма». Ибо большевизм – «крайнее принижение метафизического социальным» – «новая форма псевдоморфоза».

Размах русской революции 1917 г. был вызван стремлением народа «исцелиться от болезни» псевдоморфоза. Народ, по словам Шпенглера, в революции «уничтожил западный мир руками его же» учеников.

«А затем, – делал он важное добавление, – отправит следом и их самих» [14, с. 654].

Немецкий исследователь видел в истории России три этапа:

1) страна до Петра I – период «предвремени», до культуры, до подлинной истории;

2) время от Петра I и до 1917 г. – ареал первого псевдоморфоза;

3) Россия при большевиках, с 1917 г. – ландшафт второго псевдоморфоза.

О сроках предкультуры, псевдоморфоза, органике неорганичного он умолчал. Напомним, что у культуры по Шпенглеру есть свой срок, и в этом отношении она предсказуема.

Ускользала от «анализа и прогноза» и «русская душа».

Загадка России для Шпенглера заключалась, в частности, в том, что религия, основанная на общности «учений и обычаев» – христианство, на Руси легла на иной «душевный элемент людей», которые «их усваивали, ими чувствовали, говорили и мыслили».

В результате «франкская эпоха», в плане религиозного творчества, по словам Шпенглера, была «тупой и плоской», а Россия вдруг в расколе, в сектах, в нищенстве, паломничестве, безбрачии, самосожжении обнаружила «пламенеющую страстность», стремление «сгинуть в метафизическом».

Не уяснив смысла религиозного движения, заключал Шпенглер, не разгадать «ни Толстого, ни нигилизма, ни политических революций», не понять будущего. А смысл религиозного движения был Шпенглеру, в отличие от Бердяева, непонятен [9, с. 170–178].

Итоги русской истории, согласно автору «Заката Европы», не были столь успешны, как итоги и перспективы истории Запада. Он надеялся создать концепцию, которая будет работать применительно ко всем странам и народам, а пришел к исходному вопросу: «Чего следует ожидать от будущей России»? [14, с. 735].

1. Аксаков К. С. Литературная критика / К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. – М., 1981. – 383 с.

2. Аксаков К. С. О русской истории // Полн. собр. соч. / К. С. Аксаков. – М., 1889. – Т. 1. – 429 с.

3. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма / Н. А. Бердяев. – М.: Наука, 1990. – 224 с.

4. Бердяев Н. А. Русская идея / Н. А. Бердяев. – СПб.: Азбука-классика, 2008. – 320 с.

5. Бердяев Н. А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности // Русская идея. – М.: Эксмо; СПб.: Мидгард, 2005. – 832 с.

6. Герцен А. И. О развитии революционных идей в России // Собр. соч. / А. И. Герцен – М., 1975. – Т. 3. – 544 с.

7. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин. – М.: Книга, 1989. – Кн. 2, т. 6. – 227 с.

8. Маджаров А. С. Н. А. Бердяев о женственном и мужественном началах в судьбе России // Женщина в истории России 18–21 вв. Восьмые Шаповские чтения / сост. А. С. Маджаров. – Иркутск, 2010. – 296 с.

9. Маджаров А. С. Религиозный раскол Русской православной церкви: концепция Н. А. Бердяева // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. История. – 2011. – № 1. – 240 с.

10. Маджаров А. С. Философия истории Герцена и проблемы внутренней политики в России XVIII–XIX вв. // Россия и Сибирь: интеграционные процессы в новом историческом измерении. – Иркутск, 2008. – 336 с.

1. Aksakov K. S. Literary criticism / K. S. Aksakov, I. S. Aksakov. – M., 1981. – 383 p.

2. Aksakov K. S. On Russian History // Collected works / K. S. Aksakov. – M., 1889. – Vol. 1. – 429 p.

3. Berdyaev N. A. The Origin of Russian Communism / N. A. Berdyaev. – M.: Science, 1990. – 224 p.

4. Berdyaev N. A. The Russian idea / N. A. Berdyaev. – SPb.: Azbuka-klassika, 2008. – 320p.

5. Berdyaev N. A. Destiny of Russia. Experience of Psychology of War and Nationality // Russian idea. – M.: Eksmo; SPb.: Midgard, 2005. – 832 p.

6. Herzen A. I. On the development of Revolutionary Ideas in Russia // Collected works / A. I. Herzen. – Vol. 3. – M., 1975. – 544 p.

7. Karamzin N. M. History of the Russia / N. M. Karamzin. – M.: Kniga, 1989. – Issue 2, Vol. 7. – 227 p.

8. Madzharov A. S. N. A. Berdyaev on the feminine and masculine principles in the destiny of Russia // Woman in the History of Russia in the 18th–21st c. The eighth readings of Shchapov / compiled by A. S. Madzharov. – Irkutsk, 2010. – 296 p.

9. Madzharov A. S. Religious schism of the Russian Orthodox Church: N. A. Berdyaev's Concept // The News of the Irkutsk State University, History. – 2011. – N 1. – 240 p.

10. Madzharov A. S. Philosophy of Herzen's history and problems of domestic policy in Russia of the 18th–19th c. // Russia and Siberia: Integration process in modern historical dimension. – Irkutsk, 2008. – 336 p.

11. *Маджаров А. С. А. П. Щапов: история жизни и жизнь «Истории»* / А. С. Маджаров. – Иркутск : Иркутск обл. тип. № 1 им. В. М. Посохина, 2005. – 528 с.

12. *Свасьян К. А. Освальд Шпенглер и его реквием по Западу // Шпенглер Освальд. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории.* – М. : Эксмо, 2009. – 800 с.

13. *Чаадаев П. Я. Философические письма // Россия глазами русского.* – СПб., 1991. – 264 с.

14. *Шпенглер Освальд. Закат Западного мира / Освальд Шпенглер.* – М. : Альфа-книга, 2010. – 1085 с.

11. *Madzharov A. S. A. P. Shchapov: History of life and Way of “History”* / A. S. Madzharov. – Irkutsk : Irkutsk regional publishing house № 1 of V. M. Posokhin, 2005. – 528 p.

12. *Svasyan K. A. Oswald Spengler and his requiem for the West // Spengler Oswald. The Decline of Europe. Morphology of World History.* – M. : Eksmo, 2009. – 800 p.

13. *Chaadaev P. Ya. Philosophical Letters // Russia to the Russian' opinion.* – SPb., 1991.–264 p.

14. *Spengler Oswald. The Decline of the West / Spengler Oswald.* – M. : Alfa-kniga, 2010. – 1085 p.

Oswald Spengler and Russian Historiography of the XIX C. on the Peculiarity (pseudomorph) of Russian History

A. S. Madzharov

Irkutsk State University, Irkutsk

The article considers the conception of Russian History as pseudomorph of Oswald Spengler. Besides it provides comparison of “Russian” and “Faustian” souls (characters) within the context of original Russian historiography.

Key words: historiography, Spengler, Russian History, pseudomorph, “Russian soul”, “Faustian soul”, Karamzin, Chaadaev, Aksakov, Herzen, Dostoevskiy, Tolstoy, Berdyaev.

Маджаров Александр Станиславович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Иркутского государственного университета, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, тел. 8(3952) 24-38-75, e-mail: mas@home.isu.ru

Madzharov Alexander Stanislavovich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of National History, the Irkutsk State University. 664003, Irkutsk, Karl Marx St., 1, phone 8(3952)24-38-75, e-mail: mas@home.isu.ru